

Сильный, но неустойчивый рост

Владимир Попов

(профессор Высшей школы международного бизнеса Академии народного хозяйства, доктор экономических наук.)

Правительство сегодня не обладает пространством для маневра, и шоки любого рода, как внутривалютные, так и внешние, могут нарушить шаткое равновесие в экономике

Это может показаться парадоксальным стороннему наблюдателю: дышавшая на ладан после августа 1998 года российская промышленность находится в состоянии бума, демонстрируя высочайшие темпы роста, невиданные в течение полувека. Промышленное производство было относительно устойчивым в течение трех лет (1995-1997 гг.); спад начался с самого начала 1998 года и продолжался до августовского кризиса, составив 15%; с сентября же прошлого года происходит восстановление промышленного производства с темпами роста 2% в месяц, или более 25% в годовом исчислении.

Не слишком приятная правда, однако, состоит в том, что этот бурный рост начался не благодаря политике правительства, а скорее, вопреки ей. В то время как до кризиса переоцененный рубль подрывал конкурентоспособность отечественных товаров, после девальвации российские производители пользуются новыми экспортными возможностями и переориентацией потребителей с иностранных товаров на российские.

Даже до октября 1997 года, когда в Россию направлялись значительные иностранные инвестиции, экономического роста в общем-то не было. Когда же с октября 1997 года, после второй вспышки азиатского кризиса, начался отток капитала из России, приведший к обвальному падению курсов акций и удорожанию кредита, промышленное производство стало сокращаться. Спад 1998 года, таким образом, произошедший до валютного кризиса, был фактически сфабрикован порочной политикой поддержания обменного курса на неподъемном для экономики уровне. Рынок скорректировал ошибку правительства и Центрального банка, поддерживаемых МВФ и защищавших завышенный курс рубля с иррациональным упорством, - в этом суть кризиса августа 1998 года.

Долгосрочные перспективы российской экономики будут зависеть от способности преодолеть три основные ограничения. Во-первых, слабость государственных институтов до сих пор является важнейшим фактором, объясняющим, почему российская экономика показывает худшие результаты по

сравнению с восточноевропейскими странами или с Китаем и Вьетнамом. Очевидно, не существует быстрого и "эффектного" решения этой проблемы, она потребует многолетних кропотливых и не приносящих немедленных политических дивидендов усилий. Так что слабость институтов будет висеть тяжелой гирей на российской экономике еще долгие годы. Во-вторых, перспективы прочной макроэкономической стабилизации пока не очень ясны. Инфляция, в данный момент составляющая два с небольшим процента в месяц, может легко выйти из под контроля, если продолжится политическая нестабильность. Сергей Степашин стал четвертым премьер-министром за последние тринадцать месяцев. До парламентских выборов в декабре 1999 года и до президентских выборов в июле 2000 года инвесторы, вероятнее всего, не будут доверять никаким обещаниям правительства сохранить стабильный рубль.

В-третьих, внешнее финансирование экономики России не возобновится, пока не будет расчищена ситуация после дефолта и внешний долг вновь не будет реструктурирован (или списан). Иностранцы прямые и портфельные инвестиции могут оказать влияние на рост в России, но перспективы нового притока капитала до урегулирования дефолтных пертурбаций и до прояснения макроэкономической перспективы остаются призрачными.

Для устойчивого долгосрочного роста, конечно, нужны инвестиции. Значительное, более чем на треть, сокращение реальных доходов и потребления, казалось бы, дает возможность увеличить инвестиции, однако именно только возможность. Ведь растущие сбережения могут превратиться в инвестиции в реальный сектор, а могут и пойти на финансирование утечки капитала, в том числе и на прирост долларовых активов населения. Последнее означает не что иное, как внутреннее бегство капитала. Куда пойдут возросшие внутренние сбережения, зависит от инвестиционного климата, который в решающей степени опять-таки определяется силой институтов и устойчивостью макроэкономической стабилизации. При наличии двух последних условий инвестиции можно будет увеличить не только за счет возросших внутренних сбережений, но и за счет притока капитала из-за рубежа. При отсутствии и тот и другой источник финансирования будет недоступен. Все это придает нынешнему росту чрезвычайную неустойчивость. Доходы правительства растут, но в реальном исчислении они пока меньше, чем до кризиса. Сальдо торгового баланса после кризиса вновь стало положительным, но излишек "съедается" платежами по обслуживанию внешнего долга и бегством капитала, так что валютные резервы не увеличиваются. Правительство в действительности не обладает пространством для маневра, и шоки любого рода, как внутрисполитические, так и внешние, могут нарушить шаткое равновесие. В лучшем случае нынешнее временное правительство сможет удержать это хрупкое равновесие и

создать предпосылки для более устойчивого роста после президентских выборов в июне 2000 года - даже такой скромный на первый взгляд результат будет его несомненным достижением.

© Эксперт, #22 от 14.06.1999

